

# Свидание с Мологой

спект. О.В.

Вадим Голотин решил поставить на сцене сельского клуба «Прощание с Матерой». Он был уверен, что для здешних зрителей пьеса прозвучит, как «Прощание с Мологой». Почему же не смог осуществить свой замысел молодой сельский режиссер?

Прежде всего две оговорки. «Прощание с Матерой» — повесть Валентина Распутина о прощании людей со своей древней родиной, сибирским островом, приговоренным к затоплению. Молога — название древнего русского города, который в 1940 году был затоплен Рыбинским водохранилищем. Жители его разбегались в разные стороны, но многие осели неподалеку от водохранилища. Некоторые оказались в райцентре Брейтово. Во время потопы Брейтово было селом, прилегающим к Мологе.

## Декорации

Ну как в декорациях обойтись без краеведческого музея, в котором, как в живой клубок, сплелись история с памятью! — Это имение Мусина-Пушкина, — сказал Николай Иванович Серов, директор Брейтовского краеведческого музея, показав на фотостенд со старинным особняком. И, поймав мой вопросительный взгляд, добавил: — Да-да, и оно тоже под воду ушло. Я невольно подумала, что для пьесы, которую задумал поставить в Брейтове Вадим Голотин, декорации сложились еще полвека назад. Тогда впервые чья-то рука провела береговую линию будущего Рыбинского водохранилища. — Там, в Мологе, я родился, — продолжал Николай Иванович, и голос его, казалось, стал глуше, как будто доносился он до меня сквозь толщу времени или воды. — Отец мой был батраком, служил у помещика. В этом имении с приходом Советской власти расположился сельхозтехникум, который я и окончил... Кстати, вы про систему Вильямса знаете! Бывало, придешь к мужикам, говоришь им про эту систему, а они, бородастые, слушают, забывая про возраст самого лектора. Система Вильямса, знаете ли, мудрейшая вещь была: трехполье, пятиполье, семиполье — система планомерного севообо-

рота, разумного обращения с землей. Да канула она в воду вместе с имением Мусина-Пушкина и самой Мологой. Я подумала, что время — это память, а она многолика и многослойна уже потому, что многочеловечна. Да, еще одна важная деталь декорации, которой на первый взгляд не суждено фигурировать в пьесе Вадима Голотина, зато суждено было отпечататься даже в памяти самых молодых брейтовчан. Они, родившиеся на берегу, как бы в подтверждение рассказов старших о былом существовании Мологи видели торчащий из воды крест. Крест был реальностью: рыбаки цепляли за него сети, отдыхающие или местная ребятня подплывали, чтобы потрогать рукой. Три года назад эта деталь декорации исчезла: подмытый водой, крест на подводящей церкви обломился. А когда выпускник культпросветучилища Вадим Голотин получил назначение в Брейтово режиссером народного театра, крест уже ушел в область преданий. Атлантида, как известно, потонула дважды: сначала под водой, затем в памяти людской. Быть может, когда-то вторая часть этой судьбы постигнет и наши Матеры да Мологи. Но пока прожили они лишь половину своей трагедии: потонули под водой, да все не тонут в памяти людей, продолжающих верить, что однажды всплывут назад их отчие дома, двory, церкви, кладбища... Режиссер народного театра в Брейтове уверял себя, что наверняка те люди, чья земля вдруг сделалась берегом, должны тем более ценить ее. На его спектакле не будет посторонних — тут все участники драмы, все «пережившие потоп». Вадим Голотин сказал себе, что он обязан понести новый крест над этой землей и водой, его «Прощание с Мологой» станет, по существу, новой встречей с ней. Пришла очередь набирать актерский состав.

## Действующие лица

С набором актеров оказалось сложнее, нежели с декорациями. Как понять брейтовчан, их характер, психологию, взгляды, если на первый взгляд они ничем не отличаются от своих же соседей — жителей Ярославля, где родился и вырос Голотин: те же открытые лица, скороговористая речь, светлая и печальная природа. Правда, есть одна отличительная черта — водохранилище подступило вплотную к Брейтово,

а не к Ярославлю, и не из Ярославля, а из Брейтова люди видят его невозмутимую зацветающую гладь, по которой лишь им одним ведомым способом отсчитывают, где проходили улицы Мологи. Впрочем, 75-летняя брейтовчанка Мария Дмитриевна Захарова может сказать большее: где, например, находилась церковная сторожка. Это по ее настоянию сторожку перенесли когда-то из зоны затопления в Брейтово. Мария Дмитриевна собственноручно проконопатила и открыла в ней Дом пионеров, который зажил не по-сельски бурной жизнью. Правда, уже лет двадцать, как он затих — с уходом Захаровой на пенсию. И по сей день никто из брейтовчан так толком и не знает: есть у дома теперь хоть директор или нет... Трудность, вставшая перед Голотиным, была, пожалуй, в том, что из всех действующих лиц уже пережитой, но так и не избытой драмы он один был здесь лицом «постороннее». Оставалось пожить на строки мудрой распутинской повести — пусть и без личных наблюдений... «И кто знает правду о человеке: зачем он живет? Ради жизни самой, ради детей или ради чего-то еще! Вечным ли будет это движение!.. Что должен чувствовать человек, ради которого жили многие поколения!..» «Дети... «Движение... «Поколения...» — эти извечно тождественные друг другу слова из «Прощания с Матерой» приобрели для Голотина свой — молодежеский — смысл постепенно, по мере узнавания здешней жизни и людей. ...За день до моего приезда в Брейтово струсилась трагедия: в водохранилище утонули трое ребятшек. Бежали, игрались по первому льду. Под одним лед проломился. Двое бросились на помощь. — Игра такая у пацанов есть, — невозмутимо объяснил шестиклассник Алеша, — бегать по первому льду. Бежишь и краешком глаза смотришь, как он за тобой волнами идет. — После случившегося, наверное, не будешь больше так бегать! — Буду, конечно. Ну, провалишься, так домой пойдешь обысать... Алеша хочет остаться механизатором в Брейтове. Он и теперь уже знает здесь каждого. Но о брейтовском Доме пионеров имеет лишь одно сведение — там нет технического кружка, пожалуй, единственного места, куда

бы он ходил, кроме водохранилища. Если серьезно, то какой там «технический кружок»... В Брейтове уже не вздыхают — смеются: покачаться на качелях и то надо везти ребятишек в Ярославль. А что же раньше! Раньше, рассказывает Мария Дмитриевна, с потолка Дома пионеров даже кинопланетные с зонтиками падали». Был также хор, фотокружок, технический — все это было. — Ничего не пойму, — признается она мне, — люди стали другие, что ли! Или мое комсомольское поколение особым было! — И добавляет: — Поколение Саши Косарева... Непонятно, какие теперь пошли «дети». Десятиклассник Юра Старков совсем по-взрослому сердится, как только речь заходит о бесхозяйственности. Прошлым летом ему пришлось хлебнуть забот — это когда он стал бригадиром ученической бригады. 189 человек организовывал для работы на 25 гектарах колхозных земель! «Работать интересно было». Но берет его злость от всего, что узнал и увидел: например, от того, что из колхоза в поселок и обратно, дабы занять рабочие руки, бесцельно перевозится сено. В Брейтове есть сыродельный завод, но если и увидишь сыр на прилавках, то хорошо, если хоть вторичной свежести. И друг Юры Коля Сизов тоже очень серьезен и свою первоначальную задачу видит в том, чтобы все в своем районе привести в порядок: и дороги, и дома, и обеспечение продуктами. — Мы совсем разучились трудиться, — подвел он черту своим трудным размышлениям. — Теперь все стремятся куда бы подальше из родного села уехать. Далеко за примером ходить не надо. Мама моя мне все время говорит: не суйся в сельское хозяйство, самому придется все делать. Ей отец вторит, приговаривая, чтобы ехал я в город учиться на инженера. А я председателем колхоза хочу стать, как мой дед, который сделал так много, что о нем до сих пор все хорошо говорят. В «Прощании с Матерой» молодые ушли из обреченной деревни безоглядно. Не дети ли тех молодых, о которых писал Распутин, возвращаются теперь к памяти родной Матеры — Мологи! И если так, то как же показать в пьесе цену этого возвращения! Пока Голотин ломал над этим голову, жизнь — лучший писатель и режиссер — ответила фактом... Действительно, после школы многие ребята решили остаться работать в своем районе. Бригада

школьников — единственная — обеспечила капустой весь район. — Как же вам удалось столько вырастить! — Колхозный агроном хороший попался. Дал нам из своих запасов порошка запрещенного. Дустом, кажется, называется. Мы им ростики и посыпали. Вы только не пугайтесь, несчастных случаев в районе после этого не было. Зато кочаны вышли крепкие-крепкие. Возвращение молодых к забытой земле — да, это отрадно. Но возвращение через руки таких наставников, как этот колхозный агроном, — страшно. Поставьте себя на место Голотина — вы тоже все больше проникнетесь чувством, как сложно, а может, и абсурдно пытаться заставить актеров и зрителей пережить в допотопное время. Потоп уже давно сровнял причудливый и неповторимый ландшафт не только на земле, но и в душах людей. Что же напомнит людям о былых традициях в отношениях друг к другу! Не самообытность ли каждого, возведенная в ранг личной ответственности за происходящее вокруг! Вот, например, молодой учитель физики Игорь Александрович Жданов. Вместе с ребятами он организовывал штаб-квартиру фонда молодежных инициатив, клуб молодой семьи, молодежный центр общины — в одном лице. Из собственного кармана сами строители вложили в строительство около шестисот рублей. — Конечно, для поселка все это звучит странно, — Игорь Александрович согласился со мной. — Поживите здесь и поймете: на селе сегодня очень много одиноких людей. Большинству ничего не надо... Итак, каков же он, сегодняшний сельский человек! Насколько он остался сельским, если даже горожане — Игорь Жданов, Вадим Голотин — так основательно устраниваются на сельской земле! И что это за уникальное заведение является в поселке — «клуб сельской интеллигенции»? Вадим Голотин редко появлялся на заседаниях этого клуба, ибо понятие «сельская интеллигенция» казалось ему непривычным и странным. Правда, по произведениям Глеба Успенского он знал, что в прошлом веке ее главным смыслом было не дать крестьянину поникнуть под «властью земли». Но кто кому теперь должен не дать поникнуть — интеллигент крестьянину или наоборот, — Вадим Голотин ответить затрудняется. — И нас, врачей, здесь не принимают всевозвездно, обращаются к нам лишь в крайней нужде. Со мной, бывало, на улице не здоровались

даже те, кто еще недавно лежал передо мной на операционном столе, — это говорит главный врач Брейтовской районной больницы Иван Иванович Груздев, 34 лет, высокий, подтянутый, с бородачкой и в очках, напоминающий интеллигента прошлого века, хотя таковым себя не считает. — Что вы, интеллигенты — это, по-моему, люди высшей пробы. А что говорить о нас, сельских врачах. Считаю, что наш профессиональный уровень крайне низок. Как, кстати, и зарплата — около 125 рублей... А как быть с таким фактом: в районе на 10 тысяч человек приходится всего 12 врачей!.. Я уже как норму принимаю условие, что оперировать человека буду один, без ассистента. Сколько таких операций проведено и какими инструментами... Эта больница открылась в 1980 году. Тогда говорили, что «оснащена новым оборудованием». «Новое» — значило производства 50-х годов. Что же касается «нового»... До сих пор мы пользуемся инструментами производства послевоенной поры... При каком же все-таки условии актеры пойдут режиссеру навстречу! Как в пьесе о предстоящем потопе определить поведение каждого из них, потоп уже переживших! Итак, пусть жизнь с подмостков шагнет на сцену. Актер в театре Голотина должен играть самого себя. Только так «Прощание с Матерой» превратится в «Прощание с Мологой», вернее, в свидание с ней. И кто знает, быть может, это свидание когда-то обернется Возвращением... Окрыленный, режиссер бросился стучать в двери брейтовских домов.

## Эпилог

Каждый, к кому обратился сельский режиссер Вадим Голотин, отказался от участия в спектакле «Прощание с Матерой»... В квартире Голотиных тепло. Слышно детское бормотание. Я присаживаюсь на диван, и ко мне подходит полуторагодовалый белоголовый мальчик. Он раскладывает возле меня свои колготки и начинает их сосредоточенно гладить утюжком. — Практичный у нас очень, — говорит Ольга, жена Вадима, — все свои вещи так «переглядит». Не пойму, в кого такой удался... Маленькая уже засыпает в кроватке. — Я останусь с ними, — говорит Вадим жене, — а ты иди пожарь картошку... Ему немного за двадцать. Недавно он сдал свой новый спектакль. Но и на этот раз — не «Прощание с Матерой».

Инга Захарова.  
Брейтово,  
Ярославская область.

